

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

УДК 304.4;343.21

ДОКТРИНА «ЗАЩИТЫ ЦАРЯ» В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI ВЕКА

Д.А. Савченко

Новосибирский государственный
университет
экономики и управления

s-d-63@mail.ru

В статье проанализированы система сложившихся в Московском государстве XVI в. официальных взглядов на статус православного царя и способы его защиты. Исследованы идеологические и нормативные основы воспитательных, организационных и карательных мер защиты царя.

Ключевые слова: царь, суверенитет самодержца, подчинение царю, присяга на верность, репрессия за измену.

THE DOCTRINE OF «PROTECTING OF THE TSAR» AT THE MOSCOW STATE IN XVI CENTURY

D.A. Savchenko

Novosibirsk State University
Economics and Management

s-d-63@mail.ru

The article analyzes the system of official views on the status of the orthodox tsar and measures applied to protect it, which were formed in the Moscow State in XVI century. Investigated the ideological and normative basis of educative, organizational and punitive tsar protection measures.

Key words: tsar, the sovereignty of the autocrat, the obedience to the tsar, the oath of allegiance, repress for treason.

«Под клятвою есмь от прародителей, – еже не поднимати руки противу царя»

Из послания архиепископа Вассиана Ивану III

Сакрализация верховной государственной власти является характерной чертой российского политического сознания на протяжении нескольких веков истории нашей страны. Она породила представления об особом статусе и особых правах

лиц, стоящих во главе российского государства. Неотъемлемой частью этих представлений была система идей о специальных мерах защиты государя всея Руси. Она формировалась и укреплялась в конкретно-исторических условиях создания русского

централизованного государства с центром в Москве.

1. К началу XVI в. в религиозно-политическом положении прежде раздробленных и находившихся в иностранной зависимости русских земель произошли важные изменения. Они были связаны, с одной стороны, с высвобождением русской церкви из-под власти Константинопольского патриарха и, с другой стороны, с освобождением русских княжеств от ордынской зависимости и формированием централизованного государства.

Главным импульсом к установлению независимости от патриархов стало взятие Константинополя турками (29 мая 1453 г.). «Хотя после этого там и восстановлены были православные патриархи, но они очутились в такой обстановке, с зависимостью от которой никак не могли помириться русские люди»¹.

После 1453 г. единственным православным государством, представлявшим реальную силу, было Великое княжество Московское. Оно имело, таким образом, основания наследовать место Византии в мире, т. е. стать «царством». Московский великий князь возрастал в собственном самосознании под влиянием идеи о переходе к нему власти византийских царей. Эта идея получила подкрепление через брак великого князя с племянницей последнего из императоров Зоей Палеолог (1472 г.), ведь тем самым он формально стал обладателем права на византийскую корону. Иван III принял герб восточной Римской империи — двуглавого орла в качестве русского герба.

За государем признается высшая юрисдикция в церковной сфере. При этом глав-

ное назначение царской власти сводится к охранению православия. Одновременно, как отмечал И.А. Исаев, принятие Московским государством «православной религиозности и церковности» под свою защиту подняло его авторитет: «Благодарная церковь придавала теперь уже национальной государственности черты сакральности и священного царства»².

После Ивана III Василий III Иванович (1505–1534) начал систематически использовать во внешних сношениях титул «Божии милостию царь и великий князь». Меняется и отношение к Московскому государю со стороны Константинопольского патриарха. Он именует Василия III «наивысшим и кротчайшим царем и великим Кралем всяя православныя земли и Великия Руси». Окончательно утверждается представление о том, что русское царство есть единственное православное царство во всем мире, в которое «вся христианские царства снисдопашя». Оно, следовательно, и есть истинный хранитель «сияющего во вселенной православия»³.

Наконец, 16 января 1547 г. Иван IV Васильевич совершает акт церковного венчания на царство. Формально принятый титул «боговенчаннаго царя» закреплял за ним те прерогативы верховного попечения об интересах православия и церкви, которые принадлежали византийским императорам.

После взятия Казани и Астрахани решается в пользу Москвы вопрос о политическом доминировании в регионе. Исчезают Казанское и Астраханское ханства, которые могли бы как наследники Золотой

² Исаев И.А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета // История государства и права. – 2012. – № 1. – С. 28–29.

³ Цит. по: Карташов А.В. Указ. соч. – С. 543, 481.

Орды претендовать на господство над русскими землями. Прерогативы ханов переходят к Московскому царю.

А.А. Горский обратил внимание на то обстоятельство, что в закреплении за московскими великими князьями титула «царь» проявился синтез двух традиций: в семиотическом плане российский царь наследует византийскому императору, в территориально-политическом – хану Золотой Орды⁴. В эпоху ордынского ига «царем» именовался верховный суверен русских земель. Поэтому утвердилось представление о «царе» как о полностью суверенном правителе. Стремление к независимости подразумевало теперь стремление к царскому титулу и наоборот, претензии на царский титул подразумевали стремление быть независимым правителем.

2. Основными источниками представлений о статусе и мерах защиты царя были византийские нормы, воспринятые на Руси в составе текстов религиозного характера.

После того как на Московского царя легла обязанность печься «об устроении православного христианства» под страхом «Божия наказания за небрежение», еще более значительную роль в государственной жизни начинает играть *Кормчая книга* – сборник церковных и светских законов, в основе которого лежали византийские тексты в славянском переводе. Именно в прежних, еще не искаженных унией законах Византийской империи отражался тот истинно православный порядок, хранить который и должно было русское царство.

Наряду с религиозно-правовыми текстами, которые были известны на Руси ранее, в Московском государстве появляются

и новые византийские источники – частично в греческом оригинале⁵, частично в славянском переводе. Новые знания приходят и через регулярно посещавших греческие монастыри русских монахов.

В XV–XVI вв. церковным и государственным деятелям русского государства стало известно пришедшее из Византии *Шестикнижие* Арменупула – руководство к изучению законов (ручная книга законов), составленное в 1345 г. номофилаксом и фессалоникским судьей Константином Арменупулом в 6 книгах. Шестикнижие представляло собой компиляцию считавшихся в Византии действующими правовых норм. В силу своего удобства для практики Шестикнижие приобрело значительную популярность и длительное время признавалось важным источником права.

В XV в. на Руси становится известным одно из фундаментальных руководств по церковному и связанному с ним светскому праву, созданное в Византии еще в первой половине XIV в. Речь идет об *Алфавитной синтагме* церковного права, составленной в 1335 г. афонским монахом Матфеем Властарем, который до монашества был юристом-практиком. Она состоит из 24 отделов – по числу букв греческого алфавита; отделы подразделяются на главы в соответствии с количеством канонических и чисто юридических терминов, начинающихся с той или иной буквы.

Автор перевода Синтагмы Властаря на русский язык Н. Ильинский отмечал: «...относительно... XV века можно уже с достоверностью полагать, что если не в полном переводе целого ее состава, то, по крайней мере, в отрывках и, во всяком слу-

⁴ См.: Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. – М.: Наука, 1996. – С. 209–210.

⁵ Так, например, большая библиотека прибыла в Москву в конце XV в. вместе с Зоей Палолог.

чае, в греческом подлиннике она уже сделалась известною России». Уже в начале XVI в. был сделан перевод Синтагмы на славянский язык. «Переведенная в первый раз в 1542 году Властарева Синтагма переписывалась, очевидно, в ... огромном количестве экземпляров...». В дальнейшем в силу своих достоинств «Синтагма Властарева имела обширное распространение в нашей стране... Труд Властаря пользовался в России заслуженным уважением и был одним из важных практических руководств церковного права»⁶.

XVI век была временем создания в Московском государстве произведений, которые были направлены на внедрение христианских норм и правил в повседневный быт населения. Среди них заметную роль играла «Книга глаголемая *Домострой*» – энциклопедия семейной жизни, домашних обычаев, традиций русского хозяйствования. Составителем и редактором книги считается церковный и государственный деятель того времени Сильвестр.

На формирование доктрины «защиты Царя» решающее влияние оказало правление Ивана IV Грозного (1534–1584), у которого к 60-м годам XVI в. формируется представление о «православном истинном христианском самодержавстве» как о власти, данной от бога и действующей в соответствии с традициями предков. Царь активно отстаивает его в своей политической и литературной деятельности.

Идеологической основой доктрины стал принцип неограниченности царской власти, имеющей сакральный характер. Важную роль в утверждении этого принципа сыграла формула инок Филофея «Мо-

сква – Третий Рим» и теория Иосифа Волоцкого о божественном суверенитете царской власти. В русском политическом сознании царь начинает выступать в качестве носителя не только государственной власти, но и устоев всего общества – его социально-политической организации и официальной идеологии⁷.

Важную роль в идеологическом обосновании доктрины «защиты Царя» сыграло учение Иосифа Волоцкого (1439–1515), главы одного из крупнейших течений в русском православии – течения «стяжателей» («иосифлян»). Он активно проповедовал идею божественного происхождения верховной государственной власти.

В своем творчестве Иосиф следовал традиционному для христианской литературы методу изложения мыслей с помощью цитат из авторитетных источников. По образному выражению В.А. Томсинова, Иосиф «был подобен строителю, который из чужих кирпичей возводит здание, представляющее в конечном итоге в качестве его собственного оригинального творения». Сформулированные Волоцким теоретические положения о сущности и функциях верховной власти стали основой официальной идеологии русского общества XVI–XVII вв.⁸

3. Византийские и русские источники содержали развернутую систему идей о *статусе и прерогативах царя*.

Этому была посвящена специальная глава *Синтагмы* (глава 5 греческой буквы «В»). В ней, в частности, говорилось:

«Царь есть законное начальство, общее благо для всех подданных; он благотворит не по пристрастию и наказывает не по не-

⁶ См.: Властарь Матфей. Алфавитная синтагма Матфея Властаря / Пер. Н. Ильинского. – М., 1892. Репринт (с перенабором): – М.: Галактика, 1996. – С. 22, 24, 26.

⁷ Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X–XVII века. – М.: Зерцало, 2003. – С. 71.

⁸ Томсинов В.А. Указ. соч. – С. 90, 94.

расположению, но, как бы некоторый посредник в состязаниях, справедливо распределяет награды соответственно добродетелям подначальных и никому не оказывает незаслуженных благодеяний во вред другим...

Цель царя – благотельствовать, почему и называется благотелем, и когда делается бессильным в благодеянии, – по мнению древних, бесчестит царское звание.

Царь должен отличаться православием и благочестием и прославляться ревностно по Боге».

Применительно к условиям Московского государства византийские положения были развиты в книге «Просветитель»⁹ Иосифа Волоцкого, где содержалось положение, имевшее важнейшее политико-юридическое значение. Речь идет об идее «суверенитета самодержца». Иосиф делает акцент на божественном избранничестве самодержца по воле всевышнего. Это сакрализует его персону и лишает подданных права судить суверена, который «скышетр царствия приял от Бога».

Теократичность персоны самодержца служит обоснованием его властных прерогатив. Поэтому подданные не имеют право на сопротивление самодержцу, а могут только «смирением и мольбой» просить бога наставить властителя на путь истинный. При этом самодержец связан в своих действиях только божественными заповедями и законами¹⁰.

Иосиф Волоцкий придавал верховной государственной власти на Руси церковный характер. В этой связи он не видел разли-

чий между светскими законами и религиозными установлениями. В качестве примера приводился Номоканон, в котором, по словам Иосифа, «перемешались по божьему промыслу божественные правила с заповедями господними и изложенными святыми отцами, а также с самими гражданскими законами». Пределы осуществления верховной государственной власти мыслились Иосифом не столько правовыми, сколько религиозными. Царь, по Волоцкому, есть божий слуга, который должен «все обладаемое от треволения спасти»: «Да не будете волцы в пастырей место стаду Христову, и предадите стада Христова зверем на расхищение, еже есть иудеем и еллином, и еретиком и отступником, и всем неверным»¹¹.

В лице Московского великого князя Иосиф нашел заступника, а князь в лице настоятеля – надежного союзника, «богомольца московских царей»: «Царь ибо естеством подобен всем человекам, властью же подобен Богу»¹².

Как уже отмечалось, на формирование российских представлений о статусе царя решающее влияние оказало царствование Ивана IV Грозного. Их идеологической основой стал принцип неограниченности царской власти, имеющей сакральный характер. «Православное христианское самодержество» являлось в понимании Ивана IV властью от бога, единоличной и не зависимой от боярства и духовенства. Иван Грозный отвергал какую бы то ни было возможность договорных отношений между ним и подданными: «А нам всемогущая десница Божия дала государство, а от чело-

⁹ Просветитель. Творение святого преподобного Иосифа Волоцкого. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. 1994.

¹⁰ Азаркин Н.М. История юридической мысли России: Курс лекций. – М.: Юрид. лит., 1999. – С. 67.

¹¹ Томсинов В.А. Указ. соч. – С. 102–103.

¹² Сорокина Ю.В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства // История государства и права. – 2009. – № 12. – С. 7–8.

векъ никто же... а своим людем креста не целуем»¹³.

При этом основой безопасности и целостности государства является единовластие: «А русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи». Всякая попытка «мимо царей царствами владети» ведет к усобицам и чревата опасностью для целостности государства. Иван Грозный писал А. Курбскому: «Или ты думаешь добродетельно правление вместо царя невежественными попами или преступными боярами? Подобное противно разуму и совести, ежели будут править против Бога желающие зла люди, не так ли? Наибольшая опасность для государства, когда им правят попы».

Отношения царя с населением Иван IV характеризует следующим образом: «Все подданные рабы своего царя и даны ему во владение самим Богом». «Мы вольны награждать своих холопов, вольны и казнить». Для Ивана IV нет сомнения в том, что его подданные обязаны беспрекословно исполнять его хотения, «а не отметаться своего работного ига и владычества своего государя», ибо они «от Бога повинные ему рабы». Грозный писал Курбскому: «Гшусь со усердием люди на истину и на свет настави, да познают Бога истинного и от Бога данного им Государя».

Говоря об угрозах государству, Иван IV настойчиво проводит мысль о том, что бог поручил ему «власти» царством и его «строить». Поэтому от повиновения правителю зависит могущество страны. «Если одному царю не повинуются подданные, то никогда не перестанут междоусобные ссоры...»

4. Основными средствами *защиты царя* в рамках сформировавшейся в Москов-

ском государстве доктрины считались меры предупредительные (воспитательного и организационного характера) и карательные (уголовная репрессия).

Воспитательные меры были связаны с внушением населению идеи беспрекословного подчинения царю, всеобщей заботы о его здоровье и благополучии. Это наглядно проявилось в содержании Домостроя. Как точно подметила И.В. Минникес, «важнейший принцип, заложенный в содержание статей Домостроя, – полное подчинение власти царя и священнослужителей»¹⁴.

В предисловии эта книга охарактеризована так: «Поучение и наказание отцов духовных ко всем православным христианам о том... как царя почитать и князей его и вельмож, ибо сказал апостол: “Кому честь – честь, кому дань – дань, кому подать – подать”, “не напрасно меч носит, но в похвалу добродетельным, неразумным же в наказание”. “Хочешь ли не бояться власти? Делай всегда добро” – перед богом и перед нею, и во всем покоряйся ей и по правде служи – будешь сосуд избранный и царское имя в себе понесешь».

Глава 5 «Домостроя»¹⁵ содержит правило «Как царя или князя чтить и во всем им повиноваться...». В современном переводе оно звучит следующим образом: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почтением правду ему отвечай, как самому Богу, во всем ему повинуйся. Если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться: этот – временен, а небесный вечен, он – судья нелицемерный, каждому воздаст

¹⁴ Минникес И.В. Источники российского права: исторический экскурс // Академический юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 10.

¹⁵ Домострой / Сост. В.В. Колесов. – М.: Сов. Россия, 1990. – 304 с.

¹³ Томсинов В.А. Указ. соч. – С. 108–111.

по делам его... Ибо говорит апостол Павел: “Вся власть от Бога”, – так что кто противится, тот божью повелению противится. А царю и князю и любому вельможе не думай служить обманом, погубит Господь изрекающих ложь, а сплетники и клеветники прокляты и людьми...»

Кроме того, «Домострой» предписывал: «Всякому христианину следует молиться о... о здравии царя и царицы, и чад их, и братьев его, и бояр его... – и за всех христиан».

Другая глава гласила: «А в иные праздники... призывайте священников в дом свой, часто, как сможете, и совершайте службу по всякому поводу; тогда и молятся за царя и великого князя (имярек), всей Руси самодержца и за его царицу великую княгиню (имярек), и за их благородных чад, и за братьев его и за бояр... и за всех христиан...»

Доктрина «защиты Царя» не ограничивалась признанием необходимости предупредительных мер воспитательного характера. Важнейшей ее частью стали идеи об обязательности всеобщей *религиозной присяги* населения на верность царю в форме крестного целования.

Как обоснованно подчеркивает В.А. Рогов, царь с особым упорством требовал от подданных присяги «под крестным целованием», дабы клятвы, данные Богу, удерживали их от нарушений верности монарху. Клятвы означали согласие лица на применение казней¹⁶ и конфискацию имущества, которая в крестоцеловальных записях XVI в. называлась «великим разорением»¹⁷.

¹⁶ См.: Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. – М.: Юрист, 1995. – С. 155.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 263.

Кроме того, в практику вошла *круговая порука*, которой царь связывал боярские семьи.

Так, в соответствии с «записью поручной по князе Иване Ивановиче Пронском» 1548 г. «поручики... ручали князя Ивана в десяти тысячах рублех». Такая же сумма зафиксирована в 1564 г. в поручной записи «по Иване Васильевиче Большом Шереметьеве в отъезде, а будет куды отъедет, и на поручниках взяти десять тысяч рублев». В 1566 г. «запись на князя Михаила Ивановича Воротынского в литовском отъезде» предусматривает поруку в сумме 15 тысяч руб. Поручная записи 1571 г. на князя Ивана Федоровича Мстиславского устанавливала сумму в 20 тысяч руб.¹⁸

За каждый случай нарушения письменной клятвы связанные с круговой порукой (поручители) должны были вносить в казну значительные денежные суммы.

Кроме того, ответственность возлагалась на родственников изменников. «Ведение» родственников о готовящейся измене презюмировалось, они сами должны были доказывать свое неведение¹⁹.

Наконец, еще одной особенностью дел по обвинению в измене стала допустимость *доноса холопов* на своих господ. Именно такие «изветы» стали играть важную роль для начала следствия. При этом доноситель получал свободу и наделялся имуществом²⁰.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л.: Изд-во Академии наук, 1950. – С. 474–476.

¹⁹ Развитие русского права в конце XV – первой половине XVII в. – М.: Наука, 1986. – С. 159.

²⁰ В одном из фольклорных произведений XVI в. рассказывалось о бедной девушке-мордовке, которая сообщила Ивану Грозному об измене, за что царь «наградил ее дорогими подарками», а когда девушку убили, воздвигнул на ее могиле гору. – См.: Народная проза. – М.: Сов. Россия, 1992. – С. 73.

5. Содержание *уголовной репрессии* за посягательство на царя определялось на основе византийских религиозно-правовых норм с учетом идей, сформировавшихся в Московском государстве.

Идея божественного источника власти царя определяла религиозно-правовую трактовку измены царю, сформулированную Иваном IV.

Ее основной постулат: «кто противится властям – противится самому богу». При этом Иван IV считает только себя носителем власти – раз бог дал власть ему, значит, именно он ее достоин. В силу божественного происхождения царской власти измена и противодействие царю есть не просто крестопреступление²¹, а оскорбление бога и измена вере и христианству.

Измена царю в этом случае – самый страшный, «смертный» грех, заслуживающий церковного и светского наказания. Не случайно Иван IV писал Курбскому, что тому, как изменнику, следовало бы принять смерть, чтобы спасти душу²².

Именно такая трактовка измены закрепилась в официальной религиозно-правовой идеологии и нашла отражение в карательной практике, прежде всего, периода опричнины. Как подчеркивал Б.Н. Флоря, «в политической борьбе, развернувшейся в годы опричнины, царь последовательно трактовал своих действительных и мнимых врагов не только как мятежников, но и как «отступников», погубивших свою душу; их тела бросались без погребения, по ним запрещалось делать заупокойные вклады»²³.

²¹ Савченко Д.А. Ответственность за государственные преступления в Московском царстве XVII века. – Новосибирск, 2013. – С. 21–40.

²² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М.: Наука, 1979. – С. 12–15.

²³ Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–

Идея о божественном суверенитете царской власти предопределяла ответ на вопрос об источниках права вообще и правил реагирования на факты измены государю в частности. Таким источником признавалась воля бога в интерпретации самого царя. Иван IV не желает подчиняться законам, создаваемым другими людьми: «До сих пор русские властители ни от кого не подвергались допросу, могли по своей воле жаловать и казнить своих подданных». Иван IV отвергает какие-либо рамки для себя и считает, что сам может решать, когда быть кротким, когда жестоким. Тем самым он объявлял себя высшим судьей: «Мы вольны награждать своих холопов, вольны и казнить...»

В наказании злодеев Иван Грозный видел одну из главных функций царской власти. Он представлял себя в данном случае в качестве орудия всемогущего бога²⁴.

Таким образом, непосредственным источником права признавалась воля и религиозно-правовое сознание самого царя. Единственным ее внешним регулятором могли быть божественные заповеди и законы в их официальной интерпретации, ведь деятельность царя если чем-то и могла быть ограничена, то только принципами и нормами канонического права²⁵. Поэтому в конечном итоге ведущим источником права являлась соединенная с идеей «православного христианского самодержавства» религиозно-правовая доктрина.

Ведь «царь бо Божий слуга есть...» А если царь противится велению божию, то и ему нужно противиться. Ведь, как доказывал монах Филофей, судьба государств, идеология которых основана на христиан-

XVII вв. // Одиссей: Человек в истории. 1992. – М.: Круть, 1994. – С. 209.

²⁴ Томсинов В.А. Указ. соч. – С. 113.

²⁵ Исаев И.А. Указ. соч. – С. 28.

ской вере, непосредственно связана с отношением власти к вере. Такие государства гибнут, только если отступают от православной веры. В качестве примера приводилась Византия, к гибели которой привело именно предательство веры²⁶.

Именно религиозно-правовая доктрина давала ориентиры в оценке конкретных жизненных ситуаций, создала основу формирования практики реакции на «измену царю» в эпоху Ивана Грозного.

Важнейшие положения этой доктрины закреплялись в Кормчей книге. Те из них, которые касались царя, могли в полном объеме быть применены к принявшему соответствующий титул Ивану IV. Речь идет, в частности, о 84-м правиле святых апостол, которое предписывало наказание тем, кто «досадит царю», а также толкование Аристина и правило из Василек «аще кто зло речет на царя, повинен есть муце». Сюда можно отнести и норму из помещенного в Кормчей перевода византийской Эклоги, озаглавленного «Леон и Константин верная цесаря», о наказании заговорщиков против царя и государства христиан («Аще кто со иными клянется на христианское житие разрушение творити...»), а также положение главы 10 грани 39 Градского закона (из византийского Прохирона): «Иже на спасение царево тщетная поучается, убивается, и дом его да расхитится»²⁷. Последнее правило было воспроизведено и в третьей части титула XIV *Шестикнижия* Арменопула: «Кто злоумыслит на жизнь Царскую, того умерщвлять, а его имущество описать в казну».

²⁶ Томсинов В.А. Указ. соч. – С. 69.

²⁷ Савченко Д.А. Нормы о наказаниях за государственные преступления в русской Кормчей книге // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 15. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 152–155.

В развернутом виде положения о защите царя излагались и в уже упоминавшейся Синтагме Властаря. Здесь специальная глава 7 греческой буквы «В» объединяла канонические и светские правила «о том, что царю досаждать не должно».

Каноническая часть этой главы включала 84-е правило святых апостол: «кто досаждаёт царю или князю не по правде, – если клирик, да будет извержен, если мирянин, да будет отлучен. Ибо и Моисея закон повелевает: князю людей твоих да не речеши зла (Исх. 22, 28). И Петр, верховный из Апостолов (говорит): царя чтите (1 Петр. 2, 17). И великий Павел повелевает молиться за царя и за всех, иже во власти суть (1 Тим. 2, 2), – и это за неверных. А прибавкою: “не по правде” ... правило запрещает незаслуженный упрек, а не обличение в правом деле, когда кто-нибудь касается их в том случае, когда делают неподобающее, хотя обличительные слова и считаются ими за обиду».

Это каноническое правило далее подкрепляли светские законы:

«Кто грешит против царского Величества, т. е. составляет заговор против царя, – должен быть казнен мечом.

Всякий находящий письмо, содержащее укорины против царя, – запечатанное или незапечатанное и не сожигающий его тотчас, но читающий в присутствии других, должен подлежать такому же наказанию, какому подлежал бы и сочинивший самый пасквиль».

Особый интерес представляет 21-я глава отдела греческой буквы «П». Она была названа «О предателях» и включала в себя в качестве канонического положения правило Григория Чудотворца: «все те, которые были пленены варварами и, увлекшись их злостью, сделали столь причастны

его, что даже забыли, что они христиане и убивали некоторых из единомышленников или дровом, или давлением, также указывали неведающим варварам пути, или домы, таковые должны быть извергнуты и из разряда слушающих, доколе что-либо изволяет о них, купно сошедшеся, святые отцы, и прежде их Дух Святой».

За каноническим правилом в Синтагме следовало изложение светских законов о наказании предателей:

«Возбуждающий врагов или предающий врагам Римлян наказывается смертной казнью. А которые занимаются грабежом вместе с разбойниками на суше или на море, те наказываются строже, чем явные враги, насколько тайное злоумышление преступнее открытой войны.

Тех из Римлян, которые перебегают к врагам, следует без всяких опасений убивать как врагов.

Злоумысливший или покусившийся на жизнь царя или против благосостояния государства убивается, и имущество его отбрасывается в казну.

Те, которые перебегают к неприятелям и передают им наши планы относительно военных действий, казнятся через повешение».

Здесь более широко изложена норма о наказании злоумышляющего против царя – само преступление проявляется не только в «злоумышлении», но и в «покушении».

Кроме того, избранный Властарем принцип систематизации нормативного материала породил необходимость объединения в одной главе правил, соответствующих общему заголовку. В отношении уголовно-правовых норм это означало применение общего названия к нескольким видам преступлений. Так, понятие «предательство» стало объединять как деяния тех,

кто в собственном смысле слова «предает врагам Римлян», так и тех, кто перебегает к врагам, передает неприятелям военные секреты, а также тех, кто посягает на жизнь царя или благосостояние государства.

Как видим, представление о близости подобных деяний по своему характеру и опасности нашло в Алфавитной Синтагме Властаря свое внешнее формальное выражение в обозначении их общим названием. Как известно, в римском праве эти преступления рассматривались как проявление «оскорбления величия». В Синтагме Властаря подход несколько иной: эти деяния – разновидность предательства как посягательства, прежде всего, на внешнюю безопасность и оказание помощи внешним врагам.

Кормчая книга предписывала сообщать самому царю («возвестить цареви») об указанных преступлениях и закрепляла его право на принятие решения о судьбе преступника: «яко же прочее той изволит, и советует творити, да творят о нем». Здесь же были названы возможные основания освобождения от наказания «И аще будет скудоума изрек, не радя о нем, или от неистовства, да помилован будет. Аще ли же и пообиден быв, да простится».

Эта норма была зафиксирована и в светской части главы 7 греческой буквы «В» Синтагмы Властаря: «Оскорбляющий царя не тотчас подвергается смертной казни, или иному какому-нибудь жестокому наказанию: ибо сказал (что-нибудь оскорбительное о царе) или по легкомыслию, и заслуживает презрения, или в помешательстве, и достоин сожаления, или потому, что обижен, и заслуживает снисхождения. Относительно его доносится царю и он судит по качеству лица, – должно ли оказать снисхождение, или подвергнуть смертной казни».

Это же правило было отражено в первой части титула XIV Шестикнижия Арменопула: «Если кто и произнесет хулу на Царя, не должно тотчас его наказывать, но слышавшие слово должны немедленно донести Царю, который повелит по сему, что признает за благо». Вторая часть этого титула содержала правило, определявшее случаи неприменения наказания за произнесенное ругательство («когда сказано по легкомыслию..., в безумии..., по простоте...»).

Как видим, православная религиозно-правовая доктрина признавала за царем верховные судебные права по государственным преступлениям и предписывала при принятии решения учитывать субъективные факторы – легкомыслие, сумасшествие, простота того, кто «зло речет на царя», а также возможность ложного обвинения в заговоре против государя и христианского государства.

Летописи свидетельствуют о применении отмеченных правил в московской практике. Именно после допроса у великого князя всея Руси и по его решению назначались приговоры по делам изменников-заговорщиков в 1471 г. (Новгородское дело), в 1489 г. (Вятское дело), в 1490 г. (заговор против внука Ивана III Дмитрия), в 1510 г. (Псковское дело), в 1554 г. (дело Семена Ростовского) и по другим делам. Сохранились сведения о неоднократных случаях прощения заговорщиков. Так, в 1499 г. были помилованы князья Патрикеевы (пострижены в монахи). В 1547 г. обвиненный в побеге в Литву князь Пронской был прощен «за глупость» и отдан на поруки. В 1534 и 1554 гг. были прощены и направлены в заточение князья Воротынские и Ряполовский²⁸.

²⁸ Kollmann N. Crime and punishment in early modern Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 305, 308.

Если царь признавал обвинения истинными и не находил оснований для помилования, он принимал решение о наказании.

Вместе с тем решение о наказании смертью принималось, как правило, в тех случаях, когда это предусматривалось Судебником 1550 г. (например, в отношении «государского убийцы», «коромолника», «градского здавца») и византийскими законами, в частности в отношении тех, кто составляет заговор против царя («со иными клянется на христианское житие разрушение творити»), злоумысливших или покусившихся на жизнь царя или против благосостояния государства («на спасение царево тщетная поучается»), «кто зло речет на царя» и публично читает письмо, содержащее укоризны против царя, кто перебегает к врагам царя.

Иными словами, если признание лица изменником означало, прежде всего, религиозно-политическую квалификацию его действий, то установление умысла, например, причинить смерть или передать город неприятелю характеризовало более точную юридическую оценку поведения изменника.

Так, признанные в 1560 г. изменниками Адашев и Сильвестр были обвинены и в убийстве посредством колдовства жены Ивана IV Анастасии («чародейством добродетельную царицу извели»). Заочный суд, в котором участвовали митрополит, епископы, бояре, иные духовные и светские чиновники, признал Адашева и Сильвестра виновными. Царь их помиловал и сослал Сильвестра в Соловецкую обитель, а Адашева – в Феплин, а затем заключил в Дерпте.

О намерении «извести царя» шла речь и в «Изменном деле» 1570 г. на новгородского архиепископа Пимена и его советников.

Изменники признаны виновными в том, что «они ссылалися к Москве с бояры... о здаче Великого Новагорода и Пскова...», а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича»²⁹. Часть изменников были казнены, часть помещены в тюрьмы, часть отданы на поруки. В данном случае изменники – одновременно «государские убойцы» и «градские здавцы», наказание которых предусмотрено Судебником 1550 г.

Сформировавшаяся в московском государстве религиозно-правовая доктрина «защиты Царя» при необходимости развивалась и дополнялась. Под влиянием внутренних потребностей практики вырабатывались новые понятия, отражающие особенности отдельных антигосударственных действий, не имевших аналога в эпоху до Ивана IV. Для их терминологического обозначения заимствуются иностранные слова и выражения.

Подтверждением сказанного является содержание дополнительных статей к Судебнику 1550 г. от 12 марта 1582 г. Здесь зафиксировано, что в ответ на доклад о расширившихся случаях ложного обращения в суды царь приговорил: «...людей, которые будут в суде... стояти, ...а назовет кого вором, а убивстава или кромолы и рокоша на Царя Государя не доведет, и того самого казнити смертью...»³⁰

Указанный приговор свидетельствует о том, что к 80-м гг. XVI в. московская судеб-

ная практика имела дело с таким относительно самостоятельным видом преступления, как «рокош на Царя Государя», обвинение в котором нередко было предметом ложного доноса. Слово «рокош»³¹ в данном случае означало «неуважительные высказывания, подстрекательство к массовому неповиновению, сговор». В указанном смысле оно могло быть заимствовано из польского языка (польск. *rokosz*), в котором существовало понятие «на короля рокош поднимать хотеть его с королевства ссадить»³². Так в Речи Посполитой называлось легальное выступление шляхты против короля во имя защиты своих прав и свобод. «Поднимать рокош» в этом случае означало «собирать съезд шляхты, агитировать и выступать против короля, подстрекать к массовому неповиновению».

Безусловно, и до Ивана IV имели место бунтарские действия зависимого населения против своих «государей», сопровождающиеся нарушением порядка. Как подметил В.А. Рогов, летописи нередко использовали термины «мятеж», «замятня», «волнение», «смертьё» для обозначения открытого противодействия власти и вооруженных столкновений³³. В то же время организованное выступление непосредственно против царя не могло расцениваться на основе прежних критериев, ведь оно имело особую религиозно-правовую природу. В рамках правосознания XVI в. сущность подобных действий, вероятно, не охватывалась понятием «кормольт». Царь свою власть получал от бога, поэтому «кормольт» как

²⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – С. 480–481.

³⁰ Судебник Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников Указы, собранные и примечаниями изъясненные В.Н. Татищевым. – М.: Императорский Университет, 1768. – С. 117–118.

³¹ Ср.: Рокот – однообразный раскатистый звук. – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 683.

³² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. – М.: Наука, 1997. – С. 211.

³³ Рогов В.А. Указ. соч. – С. 92.

действия, направленные на противоправное изменение властвующего над определенной территорией субъекта, в отношении православного царя была немислима. В связи с этим для обозначения выступления против царя требовалась новая терминология, заимствованная из близкого славянского языка (польского). Этим косвенно подчеркивалось, что и сами мятежные действия против царя не свойственны русскому правосознанию и традициям и являются результатом иностранного влияния.

Таким образом, в Московском государстве XVI в., где господствовала идея о переходе в Москву священных прав и обязанностей Византийской империи, Кормчая книга, а также новые византийские источники (Синтагма Властаря, Шестикнижие Арменопула) и русские произведения (Иосифа Волоцкого, Ивана Грозного) излагали развитую систему принципов и норм о защите царя.

В качестве особой религиозно-правовой доктрины, соединяющей достижения науки византийского права с авторитетностью религиозного текста в официальной московской интерпретации, эти взгляды и правила стали идеологической и нормативной основой воспитательных, организационных и карательных мер защиты царя, играли роль источника правовых норм, регламентирующих репрессивно за посягательства на его интересы.

Литература

Азаркин Н.М. История юридической мысли России: Курс лекций / Н.М. Азаркин. – М.: Юрид. лит., 1999. – 528 с.

Арменопул К. Перевод ручной книги законов, или так называемого шестикнижия: ч. 1, ч. 2. – Одесса: Тип. газ. «Одесские новости», 1908. – XI, 342, VIII, 297, 163 с.

Властарь Матфей. Алфавитная синтагма Матфея Властаря / Пер. Н. Ильинского. – М., 1892. Репринт (с перенабором). – М.: Галактика, 1996. – 478 с.

Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) / А.А. Горский // Одиссей. – 1996. – М.: Наука, 1996. – С. 205–212.

Домострой / Сост. В.В. Колесов. – М.: Сов. Россия, 1990. – 304 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 593 с.

Исаев П.А. «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета / И.А. Исаев // История государства и права. – 2012. – № 1. – С. 26–30.

Карташов А.В. История русской церкви. Т. 1 / А.В. Карташов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 848 с.

Минникес И.В. Источники российского права: исторический экскурс / И.В. Минникес // Академический юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 9–14.

Народная проза. – М.: Сов. Россия, 1992. – 608 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М.: Наука, 1979. – 431 с.

Просветитель. Творение святого преподобного Иосифа Волоцкого. – Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. – 134 с.

Развитие русского права в конце XV – первой половине XVII в. – М.: Наука, 1986. – 288 с.

Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. / В.А. Рогов. – М.: Юристъ, 1995. – 288 с.

Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. – М.: Юрид. лит., 1985. – 512 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. – М.: Наука, 1997. – 584 с.

Савченко Д.А. Нормы о наказаниях за государственные преступления в русской Кормчей

книге / Д.А. Савченко // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 15. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 152–155.

Савченко Д.А. Ответственность за государственные преступления в Московском царстве XVII века / Д.А. Савченко. – Новосибирск, 2013. – 147 с.

Сорокина Ю.В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства / Ю.В. Сорокина // История государства и права. – 2009. – № 12. – С. 5–9.

Судебник Государя Царя и Великаго князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя

и ближних его преемников Указы, собранные и примечаниями изъясненные В.Н. Татищевым. – М.: Императорский Университет, 1768. – 272 с.

Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII веков / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2003. – 256 с.

Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. / Б.Н. Флоря // Одиссей: Человек в истории. 1992. – М.: Кругъ, 1994. – С. 204–214.

Kollmann N. Crime and punishment in early modern Russia / N. Kollmann. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 488 p.